

Были времена, когда мы каждый отпуск проводили на Черноморском побережье. «Прикупа» не знали, потому не жили в славном городе Сочи, а просто приезжали отдохнуть, конечно, предварительно объехав всю родню в Москве, Саратове и в Грозном, оставив на попечение бабушкам их внуков.

Отдых был расписан по дням и часам. Сразу по приезде закупали ежедневные путевки на экскурсии до самого отъезда. Объездили все побережье «всесоюзной здравницы»: Геленджик, Туапсе, Гагры, Пицунду; посетили тисосамшитовую рощу в Сочи, побывали в Хосте, Новом Афоне, Батуми, на озере Рица. Пляжу времени уделялось не очень. Зато впечатлений — море! Особенно запомнилась поездка в Сухуми. Там я и познакомился с Яшкой.

Мы быстро сошлись с ним, нашли общий язык, непринужденно обменивались репликами. Он выразительно жестикулировал, пытаясь быть более убедительным.

— Мужчина! Отойдите от клетки! — всполошилась экскурсовод. — Нельзя так близко подходить: он может укусить!

Я пожал плечами, откланялся Яшке, он ответил мне таким же элегантным поклоном. Обменявшись белозубыми улыбками, оба сделали по два шага назад: я — к общей группе экскурсантов, он — в глубину клетки, где его ждали самка и детеныш.

Яшка был макакой. Мы находились в Сухумском обезьяньем питомнике. Экскурсовод, милая молодая женщина, объяснила, что мой новый знакомый работает в Научно-исследовательском институте экспериментальной патологии и терапии (она указала рукой в сторону здания НИИ, расположенного на склоне горы). Но ему тоже необходимо общение, поэтому в этот день Яшка вместе со своей семьей здесь — в питомнике.

Экскурсия закончилась, и я помахал Яшке рукой на прощанье: «Пока, Яшка, до встречи!» Тот ответил жестом, понятным только нам двоим.

Отпуск подошел к концу, надо было возвращаться. К железнодорожной кассе не пробиться. Решили добираться до Краснодара автобусом, а там — точно уедем. В тот день в Джубге, как позже писали газеты, пронесся смерч, принесший человеческие жертвы. На газетных фотографиях мы узнали палатку и автомобиль пострадавших:

видели их из окна автобуса, проезжая мимо. Оказалось, что смерч проследовал по этому участку минут на пятнадцать позже нашего автобуса!

В Краснодаре с большим трудом удалось приобрести билеты на фирменный поезд «Москва-Баку». Правда, только в плацкартный вагон, хотя «по штату» мне положен купированный. Но что выбирать? Дай-то бог уехать! Повезло с проводником. Молодой парень из бакинской поездной бригады встретил нас по-кавказски приветливо:

— Мест нет ни одного, — сказал он, изучив наши проездные документы, — но за «червонец» я могу устроить лучшие места!

Фортуна, что называется, благОВОлила. Мы с женой расположились во втором плацкартном отсеке. Здесь же посчастливилось разместиться доценту Дагестанского университета. Он ехал в Махачкалу, представился Магомедом.

— Постель будете брать? — спросил проводник. — Сдавайте по рублю.

Попросили чай. Наш проводник принес большой алюминиевый чайник, какие бывают в солдатской столовой, и водрузил его на столик.

— Заварки нет. Кипяток есть в девятом вагоне. Скажите, что от Али. Там проводник — мой друг, даст вам кипятку...

— Я схожу, — прервал общее замешательство Магомед и взялся за чайник.

— Это в той стороне, — указал жестом Али, — через два вагона...

Как только Магомед вернулся с кипятком, и моя жена достала из чемодана пачку чая (мы прикупили по случаю несколько пачек в Краснодаре), — появился Али.

— Меня угостите? — протянул большую фаянсовую чашку с коричневыми разводами, взглядом гипнотизируя при этом чайную пачку. — Сыпьте в чайник, крепче будет! — глаза проводника светились нездоровым огнем. — Заваркой поделитесь, — почти умолял он, — я друга угощу...

Как тут откажешь? Выделили ему полпачки чая.

Покончив с чайной церемонией, начали готовиться ко сну. Здесь ждал сюрприз: передний туалет был без двери и завешен простыней — Али оборудовал для себя душевую; задний — вообще не работал.

Устроившись на верхней полке головой к проходу, я пытался уснуть. Вдруг нечто необычное предстало пред моим взором. Али, приняв душ, шел по проходу в одной простыне поверх трусов, перекинутой через плечо.

— Время деньги собирать, — подмигнул он мне доверительно, как близкому знакомому. Ах, да — чай вместе пили!

В этом своем облачении проводник напоминал какой-то персонаж из восточной сказки. «Али-Бабай!» — мысленно окрестил его я и повернулся лицом к стенке.

Доехали благополучно, все утряслось. Но я почему-то по сей день часто вспоминаю эти две встречи — с Яшкой и «Али-Бабаем!» И понимаю: сколько в нас общего! Может, напрасно поговаривают, что Дарвин ошибся?..

Больше ни с Али, ни с проводниками, на него похожими, встречаться не доводилось. Жизненные обстоятельства изменились, стало не до ежегодных разъездов. Но о нашей с Яшкой договоренности еще раз встретиться я помнил и понимал, что слово надо держать.

Попасть в Сухумский питомник удалось лет через пять. Экскурсия была продолжительной, наша группа передвигалась от клетки к клетке; кто-то пытался покормить обезьян, просовывая между металлическими прутьями морковь, кто-то задавал вопросы, экскурсовод отвечала...

Вдруг она стала прощаться.

«Как же так, экскурсия закончена?» — не поверил я и подошел к экскурсоводу.

— Извините, это все?

Женщина подняла на меня усталый холодный взгляд и, утвердительно кивнув, развела руки в стороны.

— Но я ехал сюда ради одной только встречи! Пять лет назад мы познакомились здесь с Яшкой... Мы договорились... Я обещал ему вернуться...

Глаза женщины потеплели, а губы подернулись грустной улыбкой. Она поняла меня.

— У нашего Яшки случилась беда. В прошлом году хулиганы забрались ночью в его клетку. Яшка кинулся защищать свое семейство, получил ножевое ранение. Той ночью был убит его сын. После такого стресса Яшка впал в глубокую депрессию, стал агрессивен. Теперь его из института не выпускают...

Женщина так и сказала: «Яшка потерял сына» — сказала как о человеческом детеныше! Но ведь и реакция на агрессию, и эмоции у... (хочется назвать Якова уважительно, по отчеству, жаль, оно мне не известно). И эмоции у этого существа вполне человеческие!

Пока шли к выходу из питомника, экскурсовод рассказала мне о том, чем занимается Яшка в НИИ. Институт был центром изучения приматологии и научной базой по борьбе с онкологическими заболеваниями; здесь были созданы первые в мире модели ряда вирусов и испытаны полиомиелитные, коревые и гепатитные вакцины, проверялись новые антибиотики и лекарства. Я слушал вдохновенный рассказ нашего экскурсовода — научного сотрудника НИИ — и восхищался тем, что ко всем этим достижениям науки имеет отношение мой знакомец Яшка.

На прощанье я попросил Людмилу Николаевну передать Яшке привет и мои пожелания скорейшего выздоровления, а также надежду на встречу с ним. Возможность встретиться появилась, когда Сухум стал уже заграничным городом. Отдыхая в Сочи, увидел яркую афишу, приглашавшую посетить Адлерский питомник обезьян.

— Уж не тот ли это Сухумский питомник? — поинтересовался я у женщины, продававшей билеты на экскурсию.

— Он самый,— подтвердила женщина.— Перебрались в Адлер, когда началась война между Абхазией и Грузией. Вам сколько билетов?

— А Яшка здесь? — спросил я.

— Какой Яшка?

— Обезьяна из института.

— Нет, обезьян перевезти не удалось. Зато у нас есть две маргышки-космонавтки! Тиша и Даша — в девяносто восьмом побывали в космосе. Так сколько вам билетов?

— Спасибо, не надо... Раз уж Яшку не увижу.

Отказавшись от экскурсии, я брел по городу, расстроившись на полном серьезе; вспоминал нашу давнюю встречу с Яшкой, внесшим весомый вклад в науку, о его нелегкой, трагической судьбе; искренне сожалел о невыполненном мною обещании... Вызвала улыбку мысль о возможном родстве Яшки с космонавтками Тишей и Дашей. Впрочем, какое здесь может быть сомнение: конечно, они родственники!

«Обезьяны, видимо, если судить по сухумскому Яшке, больше стремятся к сохранению родственных связей, чем некоторые людские особи,— подумал я.— И ответственной к этому подходят. Иначе как могло случиться: жили вместе, жили дружно, в одной стране — и люди, и обезьяны! И вдруг ничего этого не стало — ни страны, ни дружбы!»

Я до сих пор не могу этого понять.

